

названия городов, местечек и германских (!) племен представлены по-французски.

Но уж если говорить о языке, то книга Мак-Джордж написана на таком превосходном английском, что вполне соответствует славе *Isle of Wight College*, который, как известно, является идеальным местом для его изучения.

Auctarii Havniensis ordo prior, 1 // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. 1892. Т. 9.

Demandt A. Magister militum // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1970. Suppl. 12.

Enßlin W. Orestes // Paulys Realencyclopädie ... 1939. Bd. 18.

König I. Aus der Zeit Theoderichs des Großen. Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar einer anonymen Quelle. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1997.

The Prosopography of the Later Roman Empire / ed. J. R. Martindale. Cambridge, 1980. Vol. 2.

Т. А. Снигирева

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ УРАЛА*

Рец. на кн.: *Литература Урала: история и современность* : сб. ст. Вып. 6 : Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть / отв. ред. Е. К. Созина ; Ин-т истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 476 с.

Очередной выпуск сборника статей «Литература Урала: история и современность» является следующим этапом системной филологической реконструкции литературного процесса крупного региона России и художественных индивидуальностей его составляющих. Основной научный сюжет книги, созданной коллективными усилиями уральских филологов и цементирующий ее единство, определяется постановкой и решением ряда взаимосвязанных проблем: история и способы ее художественного осмысления, факт истории как литературный факт. Проблемы, направленные, скажем несколько метафорично, на заполнении белых пятен карты истории в литературной географии Урала.

Ответственный редактор сборника Е. К. Созина, предупреждая научный текст, оговаривает его методологические основания: «Литература и литературный процесс Урала рассматриваются в геокультурном и топографическом отношении, в аспекте репрезентации национальных историко-литературных традиций, во взаимодействии с социальными и политическими стратегиями, понижающими «тело» современной, в традиционном, но никогда не изменяю-

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО-СО РАН «Литература и история: взаимодействия и типы повествования».

щем нам русле историко-литературного анализа, в герменевтическом и рецептивном ключе» (с. 6).

Не случайно прологовой статьей сборника стала одна из последних работ проф. В. В. Блажеса «Русская литература Урала: историографический аспект», в которой бережно и с большой добросовестностью описывается и анализируется история уральской литературной регионоведения в связи со становлением истории экономической, политической, ментальной (при всем этническом и религиозном разнообразии), культурной целостности понятия Большой Урал. Ныне, после ухода ученого, вклад которого в изучении фольклора и литературы Урала трудно переоценить, как наказ звучит последняя фраза его статьи: «...Коллективное исследование истории литературы Урала будет иметь своим результатом академическое издание, к которому стремились наши предшественники» (с. 22).

Не случайно ключевым словом статьи И. Е. Васильева и М. А. Литовской, посвященной проблемам периодизации литературы Урала XX в., стало слово «историзм». Считая главным нервом исторического развития России XX в. модернизацию, которая по отношению к искусству диктовала стратегию унификации и стандартизации и одновременно делала возможным стратегию, «которая позже будет обозначена как поиск идентичности, в том числе и региональной» (с. 26), авторы справедливо полагают, что «литературная хронология не совпадает с календарной». Поэтому при четком понимании особой зависимости литературы Урала от его геоэкономической истории возникает справедливая (думается, не только для региональной, но и для общероссийской литературы) мысль о существовании «буферных зон между отдельными участками литературного процесса» (с. 27), в которых происходит изменение системного качества. Наличие и утверждение его и становится началом нового литературного периода.

Ведущей теоретической категорией сборника становится категория, вынесенная в название его первого раздела («Историко-культурный ландшафт Урала»), а также сопряженные с дисциплиной «Ландшафтоведение» понятия «этнокультурный ландшафт», «социополитический ландшафт», «литературный ландшафт», «гений места» и т. д., позволяющие «увидеть территорию как особый космос, в сочетании взглядов на нее «изнутри» и «извне»» (с. 8).

Статьи этого раздела, каждая по-своему, продолжают анализ диалога художника с временем и пространством, который порой носит драматический, по меньшей мере — специфический, характер, что определяется целым комплексом разнопричинных факторов. В статье Е. Г. Власовой «Эволюция образа Урала в литературе путешествий XVIII — начала XX века: способ путешествий и восприятия пространства» задается неожиданный ракурс исследования: «Эволюция уральского травелога XVIII—XX вв. определяется, на наш взгляд, взаимодействием трех основных “дорожных” дискурсов — гужевого, включающего верховой и повозочный способы путешествия, пароходного и железнодорожного» (с. 53). На обширном и малоисследованном материале (травелоги П.-С. Палласа, В. Н. Латкина, И. И. Лепехина, П. И. Мельникова-Печерского, Е. А. Вердеревского, В. А. Поссе, А. А. Макка, А. А. Кольчева, С. А. Кельцева,

Н. Д. Телешова, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др.) показано, что в «истории формирования образа Урала путешествия сыграли роль литературного разведчика: их авторы, основываясь на самом непосредственном, физическом опыте взаимодействия с пространством, искали язык его описания. Каждый из «дорожных» дискурсов акцентировал свои смыслы и свои подходы в описании местного пространства, которые, наслаиваясь с течением времени, образовали неповторимую конфигурацию «уральской матрицы» (с. 57). Автора статьи «Сибирские мотивы в произведениях В. Г. Короленко» Е. А. Макарову интересует, как пребывание писателя на Урале и в Сибири сказалось на его жизненной и творческой судьбе, какой концептуально новый смысл принес В. Г. Короленко в «уральскую матрицу», что связывается исследователем с формированием образа «безграничных неосвоенных земель в противовес российской тесноте и скученности». Это образ пространства и русского, и инонационального, но «в любом случае для писателя это часть русского мира, объединенного общими гуманистическими ценностями» (с. 71).

Две заключающие раздел статьи посвящены современным пространственным и пространственно-временным моделям уральского ландшафта. Отталкиваясь от поэтической формулы «Как хорошо мы плохо жили», Т. А. Арсенова в статье «Хронотоп детства в лирике Бориса Рыжего» показывает, как Вторчермет («Вторчик», одна из промзон Свердловска, появившаяся благодаря поэту на литературной карте России) стал «итогом художественного освоения “нового” топографически конкретного материала, а также попыткой поэтического оправдания безобразного, но личностно ценного для героя» (с. 80). Предметом статьи Н. Б. Граматчиковой «Легенда о чуди и отчет о поиске “золотых яблок” в неомифологии горы Ирмель» стал анализ «некоторых типов текстов, которые формируют мифологическое пространство горы Ирмель в интернет-ресурсах, прежде всего на популярных туристических сайтах, в путеводителях и на сайтах общественных организаций, выражающих различные формы современной эзотерической субкультуры и “новой религиозности” (с. 82). Автор обращает внимание на то, что в динамичной и эклектичной по своей сути интернет-среде «современная мифология места складывается в первую очередь из “осколков” прежних, традиционных, мифологий, причудливо смешанных друг с другом» (с. 87).

Второй раздел сборника («Национальные образы мира в словесности региона») во многом продолжает научный сюжет предыдущего выпуска «Литературы Урала» о национальных образах мира в региональной проекции. Статьи посвящены как отдельным творческим индивидуальностям, стоящим у истоков национальных литератур (Г. Е. Верещагину, К. Митрею, И. Куратову), представляющим периоды развития и продолжения художественных поисков вплоть до современного состояния (творческие поиски Д. Мизгулина, В. Чучелина, А. Гёрархылы, Ф. Васильева, В. Садовникова), так и анализу литературных процессов и особенностей литературной жизни этносов Уральского региона (типы образно-тематического единств в удмуртской поэзии первой половины XX в., специфика современного двуязычного журнала Республики Коми «Арт (Лад)», художественные поиски современной коми прозы).

Внутренне единство этого фрагмента сборника обеспечивается так или иначе присутствующей в каждой статье проблемой судьбы малого этноса и его борьбы за сохранение своего языка, религии, истории и самобытности рядом с «титальной» нацией. В статье П. Ф. Лимерова «Неоконченная поэма-пьеса И. А. Куратова “Пама”: на пути к национальному герою» обозначенная проблема явно обострена: «если христианство — это истина, то почему путь к истине лежит через предательство? Эта проблема, очевидно, является ключевой для коми-зырянского менталитета, она отражена в виде легенд о самопогребении чуди — языческих предков, не принявших крещения. Места, где некогда чудь заживо похоронила себя, обрушив своды своих земляночных жилищ, коми называли *чуд гу* — «чудские могилы». Компенсация вины перед языческими предками выражалась в почитании чудских могил и в последовательных поминовениях языческих предков. В современной литературе этой проблеме посвятил свои романы Г.А. Юшков, увидевший в том давнем, первом отступничестве перед предками и причину современной деградации коми народа» (с. 107).

Третий раздел («Мажиту Гафури 130 лет») посвящен наследию классика башкирской и татарской литератур, цикл статей о его творчестве встраивается в общую парадигму исследований. Представляя еще одну национальную традицию, современные исследователи демонстрируют как общие проблемы нового ее прочтения, так и частные интерпретационные практики. Ф. Г. Галимуллин сосредоточивает внимание на характере диалога Мажита Гафури с контекстом общественной жизни эпохи. С. Г. Кунафин типологизирует и подвергает анализу жанры манифестационно-публицистической лирики поэта.

Раздел четвертый («Литература, этнос, власть») реализует проблемный узел, вынесенный в подзаголовок коллективного сборника, — в разных ракурсах разворачивает анализ истории взаимоотношений национальных литератур определенного гео- и полиэтнического региона с властными структурами.

В открывающей раздел статье О. В. Зырянова «“Фелица” Г. Р. Державина и “К Музе” Н. С. Смирнова: образ этнически “другого” (человек Востока) в русской поэзии» путем сопоставительного анализа классического с малоизвестным текстом недооцененного автора исследуются две модели обращенности к маске этнически «другого» и делается вывод о том, что полиэтничный характер Российской империи и репрессивный механизм самодержавной власти нередко обрекали поэта на «столкновение с иным этнокультурным и конфессиональным миром (например, татар, киргизов, калмыков, китайцев, черкесов и др.), в то же время провоцировали диалогические и персоналистические интенции лирического сознания, что коренным образом расширяло культурно-ментальную парадигму лирического рода литературы» (с. 200).

Статьи «пугачевского блока» («Пугачевский бунт в мемуарном дискурсе русской литературы XVIII века» Е. Е. Приказчиковой, «“Бунт был, и выслали казаков”: проблема взаимоотношений власти и казачества в прозе И. Д. Сазанова» Е. С. Биричевой) посвящены уже не столько влиянию политики на поэтику, сколько анализу силы истории в литературе и возможности литературы, в том числе и «промежуточной прозы» (термин Л. Я. Гинзбург) запечатлеть нюансы исторических событий. Причем характер прочтения истории

с безусловностью зависит от той роли, которую играл в ней очевидец-повествователь, и от его культурно-мировоззренческой позиции. Этот аксиоматический тезис разворачивается в статье Е. Е. Приказчиковой, предметом аналитики которой стала литература «правды голого факта», — «Записки» Г. Р. Державина, который, будучи офицером Преображенского полка, активно участвовал в подавлении Пугачевского бунта, «Записки» Д. Б. Мертвого, которому во время описываемых событий было четырнадцать лет и когда он в полной мере познал, что такое «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», и «Жизнь и приключения А. Т. Болотова, им самим написанные» известного русского просветителя, который вписал пугачевщину в контекст классовых взаимоотношений дворян и крестьян и дал подробное описание казни Пугачева, свидетелем которой был сам. Сопоставляя логику мемуарной литературы с последующими художественными интерпретациями, исследователь замечает, что «мемуаристы — современники событий выступали гораздо более жесткими и пристрастными судьями своей эпохи» (с. 218).

«Героем» следующего блока статей («Риторика “этнического” в повести А. Кирпищиковой “Порченая” (на примере рекрутского обряда)» С. В. Голиковой; «Монголы в антропологии русской литературы первой трети XX века: от расы к этносу» В. В. Мароши; «Литературное наследие священномученика Аркадия Гаряева» А. В. Печерина, И. И. Корсуновой; «“Тундраса бияс” (“Огни тундры”) В. В. Юхнина как неудавшийся опыт производственного романа в комической литературе» В. А. Лимеровой) стал этнос, этнос в его взаимоотношениях с политикой, религией, мифологемами и идеологемами главным образом XX в.

Анализ процесса демифологизации «татаро-монгольской угрозы», произошедшей в русской литературе первой трети XX в., В. В. Мароши начинает с широкого экскурса историко-литературного свойства, в котором рядоположение высказываний самых различных писателей (от И. Бунина до М. Горького и А. Белого) обнаруживает удивительное единство в негативной оценке «монголов и якобы “монгольских” элементов русского этноса» (с. 231). По мнению исследователя, ситуация существенно изменилась уже в начале 1920-х гг., когда «интерес к Монголии резко возрос: страна обрела не только полноценную государственность, но и шагнула от “феодализма к социализму”, попав в орбиту влияния уже советской России» (с. 236). Такие произведения, как фильм В. Пудовкина «Потомок Чингисхана», повесть Вс. Иванова «Путешествие Будды», книга В. Кина и И. Новокшенова «По ту сторону. Потомок Чингисхана», способствовали открытию «монголов как этноса, а не репрезентанта всей “желтой расы”» (с. 239).

Основой статьи В. А. Лимеровой о «Тундраса бияс» В. В. Юхнина стал поэтапный анализ того, как «поэтика мстит политике» и государственный заказ по созданию производственного романа в аграрной республике завершается творческим провалом талантливого писателя, который шел на компромиссы ради возможности «существования родного слова в его письменно художественном варианте» (с. 251).

Тип отношений искусства и государства, но на ином, уже современном, материале — также в центре внимания работы А. В. Снигирева «Рокер и власть:

версия В. Шахрина». Известно, что «смерть русского рока» напрямую связывают с его легализацией, поскольку его сущностным параметром, как творческим, так и поведенческим, всегда была открытая протестность и оппозиция к власти. Современный рокер «по-прежнему может выступать с активной, зачастую агрессивной критикой власти (Юрий Шевчук), может не замечать эту власть (Борис Гребенщиков), идти на частичное с ней сотрудничество (Андрей Макаревич)» (с. 269). В результате анализа семиотики творческого поведения лидера уральской рок-группы «Чайф» В Шахрина автор приходит к выводу о том, что лидер уральского рока весьма смягчил общепринятый сценарий «рокер и власть»: «он не критикует и наставляет власть, не поучает, что и как делать» (с. 273), но использует ее в целях помощи не только современному рок-движению, но и определенным слоям общества, находящимся в критической ситуации.

Завершающие сборник разделы («Проблемы истории литературы Урала» и «Современная литература Урала») посвящены исследованию литературы Уральского региона в русле традиционного историко-литературного подхода и являются результатом непрерывающегося накопления и осмысления материала, который будет положен в основу начавшей публиковаться 4-томной академической истории литературы Урала.

Условно статьи данного раздела можно разделить на два блока. В основе первого — тщательный сбор малоизвестного или впервые открытого литературного факта, зачастую предполагающий работу в архивах разного характера и статуса. Это реконструкция судьбы и литературы писателей-старообрядцев из поморской общины города Златоуста (прот. П. И. Мангилев); описание изданий «Истории Ориенбургской» выдающегося ученого XVIII в. П. И. Рычкова (Г. П. Матвиевская), представление архивного материала, связанного с оренбургским периодом деятельности литературоведа Н. М. Гутьяра (Г. П. Матвиевская, А. Г. Прокофьева); сопоставительный анализ известных легенд о старце Федоре Кузьмиче с той, что есть в архивохранилищах Красноярска (Е. Б. Гайдукова); публикация новых материалов, уточняющих некоторые эпизоды биографии П. Бажова (А. В. Мангилева); описание характера работы мастерской слова «Мы» при Пермской газете «Звезда» в 1923 г. (Т. Н. Масальцева), восстановление фактов возникновения ЧелябинГИЗа и судьбы тех, кто стоял у истоков регионального издательства (Н. С. Журавлева); представление архивов УрГУ, связанных с драматической историей литературного объединения Уральского государственного университета в 1940-е гг. (П. Д. Достовалова). К этому блоку примыкают работы, обращенные к забытым или полузабытым именам литераторов Урала, а также фактически открытым или подвергшимся первому серьезному филологическому осмыслению (последние посвящены главным образом текущей литературе). Это статьи О. А. Переваловой «Жанр молитвы в творчестве Елизаветы Гадмер», А. Г. Прокофьевой «Оренбургские мотивы в творчестве поэта конца XIX — начала XX века Л. В. Исакова», В. Б. Королевой «Отражение этнонациональной проблематики в творчестве В. В. Бруснянина», Н. В. Барковской «“Плетение словес” в миниатюрах Марии Ботевой», Л. С. Кисловой «Дорога домой: приключения “Тельмы и Луизы” и киносценарии

Я. Пулимович «Я не вернусь», С. О. Драчевой «Специфика фольклоризма в творчестве Алексея Шлякова («НЪва»)», А. А. Сидякиной «“Человек с киноружьем”: образ автора в публицистике и документальных фильмах Михаила Заплатаина», Е. В. Харитоновой «“Сказочные путешествия” Светланы Лавровой: особенности жанра и стиля», Р. А. Шаяхметова «О литературном блоге “Дедушкин дневник” Флорида Булякова».

Второй блок последних разделов сборника можно обозначить как концептуально-интерпретационный, и посвящен он именам безусловным, во многом определившим лицо литературы Урала. Так, в статье С. А. Комарова «О литературности первой цензурной редакции сказки “Конек-Горбунок” П. П. Ершова» предложена оригинальная концепция классического текста, вскрывающая ее философско-историческую природу. По мнению ученого, «сюжетное взаимодействие Ивана и Конька является аллегорией отношений Духа Человеческого и Природы» (с. 316). Три части сказки исследователь воспринимает как «образ сменяющих друг друга культурно-исторических фаз в движении человеческой цивилизации» (с. 316) и условно обозначает их как классическую (отношения носят характер физического соперничества), романтическую (мир построен по модели «хозяин — вассал) и неоклассическую (в центре новая фаза развития Духа Человеческого — религиозная).

В статье А. В. Кубасова «Трущобный реализм в прозе Ф. М. Решетникова (очерк “Яшка”)» путем анализа нарратива, образной системы, специфики карнаваллизации, особой физиологичности текста, двойственной позиции повествователя, языковой игры и введения творчества писателя в широкий литературный контекст автор приходит к выводу о том, что «трущобный мир в русской литературе принципиально дисгармоничен, чудо в нем невозможно, беда в нем не изживается, а влечет за собой другую, та в свою очередь третью и так до бесконечности, до обрыва цепочки несчастий смертью героя или какой-либо катастрофой» (с.328). Своеобразным подтверждением этого тезиса стала посвященная одному из первооткрывателей «трущобного реализма» статья Т. Я. Каменецкой «Образ дома в произведениях Ф. М. Решетникова как отражение сознания “забытых людей” уральской глубинки»: «история деревенских и городских домов в произведениях Решетникова — это история разрушения, отражающая судьбы “забытых людей”, переживающих трагедию жизни в переломный момент истории. В домах, не выдерживающих ветра, без окон и крыш, сделанных на скорую руку, герои существуют в ожидании смерти. Кого-то она настигает в самом доме, а другие в дороге (“в пути из дома”) неожиданно оказываются ее заложниками» (с. 336).

Иной аспект анализа провинциальной ментальности предложен в статье Л. Н. Житковой «Провинция и провинциальный человек в художественном ракурсе писателей-уральцев начала XX века». Автор обращает внимание на то, что если в творчестве известных писателей (М. Горький, А. Ремезов, Ф. Сологуб, Л. Андреев, Е. Замятин) исследуемого периода «мир провинции — мир чуждый, враждебный и загадочный, темный» (с. 362), то для писателей, находящихся внутри этого мира (Б. Тимофеев, А. Туркин, И. Колотовкин), провинциальная жизнь не могла быть только негативно окрашена, но рассматривалась

«как микромир, воплотивший и отразивший общие законы жизни, — но никак иной планеты» (с. 362).

Сопоставительный сюжет — основа также статьи Л. М. Слобожаниновой «Мамин и Горький (творческие связи и расхождения)». Взяв два важнейших пласта творчества писателей, даже шире — русской литературы периода рубежности, о босяках и мотив сострадания, автор приходит к мысли о том, что «Мамин-Сибиряк вместе с Чеховым, Буниным, Куприным удерживают тот высокий уровень реализма, который был достигнут русской литературой к концу XIX — началу XX в. Что касается Горького, то он оказывается великодушнее тех своих исследователей, которые озабочены в первую очередь проведением резкой разграничительной черты между представителями исторически сменяющих друг друга направлений. В искусстве бывает неоднозначнее и сложнее» (с. 345).

Рецепции посвящена статья Л. Мних «Мультипликационная и поэтическая интерпретации сказки Д. Н. Мамина-Сибиряка «Серая шейка» в XX веке». Сравнивая ядерный текст с мультфильмом 1948 г. (сценарий Г. Березко, режиссеры В. Полковников и Л. Альмарник) и текстом современного барда В. Долиной «Песня Серой шейки», автор показывает тот интерпретационный сдвиг, что произошел при «переводе» текста Мамина на иные эстетические коды, справедливо полагая, что возможность все новых прочтений заложена в самой сказке, несущей «вполне архетипический сюжет о покинутой семьей общинной личности, ее одиночестве, терпении и вере в жизнь» (с. 430).

Творчество популярной современной писательницы стало предметом внимания Ранжаны Саксены («Роман Ольги Славниковой “Бессмертный”: женская проза и новые техники повествования». Отталкиваясь от теории Е. Замятина о синтезе в литературе нового времени «микроскопа реализма» и «телескопа модернизма», вводя творчество писательницы в контекст современной женской прозы (Л. Петрушевская, В. Нарбикова, Т. Толстая, Д. Рубина), автор полагает, что «современный реализм расширяет горизонты литературы, которая не только изображает общество и его влияние на человека, но и образ мира и универсальные законы мироздания». Роман О. Славниковой «сочетает обе повествовательные стратегии» (с. 452).

Некая мозаичность последнего раздела сборника объяснима как самим материалом, взятым для анализа (от Решетникова до Славниковой), так и демонстрацией поисков новых интерпретационных подходов к литературе региона, сквозь которую «просвечивает» не только география, но и время.

Подводя итог, есть смысл вернуться к уже процитированной статье С. А. Комарова, в которой, кроме анализа сказки Ершова, предложены принципиальные размышления о судьбах и назначении филологической регионовистики, в русле которой был осуществлен и 6-й выпуск «Литературы Урала». Коллективным усилием по воссозданию литературы региона «является не просто желание и инициатива, а ощущение национальной культурной традиции, в которую хотят вписаться исследователи... и понимание необходимости именно коллективных квалифицированных усилий, если хотите, патриотического движения, усилий всей территории. Подчеркнем: территории, которая требует, ждет, поддерживает, отвечает» (с. 313).